

Мартин Лютер: пророк, учитель и героическая личность

Образ реформатора
1520-1620

Роберт Колб

Книга-лабиринт

Russian *Martin Luther as Prophet, Teacher, and Hero*
1st edition printed October 2017 3,000 copies

Copyright © 1999 by Robert Kolb
Originally published in English under the title
Martin Luther as Prophet, Teacher, and Hero
by Baker Academic,
a division of Baker Publishing Group,
Grand Rapids, Michigan, 49516, U.S.A.
All rights reserved.

The translation and publishing of this book has been made by the Lutheran Heritage Foundation. All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without the prior written permission of the Lutheran Heritage Foundation.

Lutheran Heritage Foundation
51474 Romeo Plank Road
Macomb, Michigan 48042 USA
www.LHFmissions.org
info@LHFmissions.org

**Funding for the publication of this volume has been provided in memory
of Henry Iburg in thanksgiving for his faithful support of the Lutheran
Heritage Foundation.
*Soli Deo Gloria!***

Перевод на русский язык выполнен фондом «Лютеранское наследие».
Переводчик: *Евгений Терёхин*.
Редакторы русского текста: *Жанна Григорова и Алексей Комаров*.
<http://www.LHF.ru>

Издание и распространение данной книги осуществляются при
поддержке Централизованной религиозной организации
«Евангелическо-лютеранская Церковь Ингрии на территории России»
ОГРН 1037858011289
191186 С.-Петербург, ул. Большая Конюшенная, д.8.

Содержание

Сокращения.....	7
Иллюстрации.....	9
Предисловие.....	11

Часть первая. Theander Lutherus

1. Живой пророк: Лютер глазами современников.....	19
Начало Реформации.....	20
От монаха и учителя до пророка и посланца Божия.....	28
Погребение и прославление Лютера.....	38
2. Пророк Божий: Лютер как авторитетный толкователь Слова Божия.....	43
Утверждение авторитета Лютера.....	44
Точка зрения Кириака Шпангенберга	51
Описания Лютера как апостола, евангелиста и пророка.....	56
Авторитет Лютера в Вероисповеданиях середины шестнадцатого века и <i>corpora doctrinae</i>	62
Авторитет Лютера в «Формуле согласия».....	70
Падение пророческого авторитета Лютера	74
3. Немецкий пророк: Лютер как народный и национальный герой в борьбе с идолопоклонниками Рима.....	85
Образ героя.....	85
Характеристики героя-пророка.....	93
Жизнеописание героя.....	97
4. Пророк-учитель: Лютер как наставник чистого учения в борьбе с сакраментариями.....	117
Учительское служение Лютера через повторную публикацию его трудов.....	117
Учение Лютера в криптофилиппистской дискуссии.....	119
Защита «Книги согласия».....	128
Лютер как учитель-пророк в криптокальвинистской дискуссии 1590-х гг.....	131
5. Герой Реформации: Образы Лютера, распространенные в зрелом лютеранстве.....	139
Мартин Лютер в драматургическом искусстве.....	139
Юбилей Реформации и образ Лютера.....	145

**Часть вторая. Opera Omnia Reverendi Domini Martini
Lutheri: Переиздание трудов Лютера спустя полвека после
его смерти**

6. Полное собрание сочинений Лютера: Первые печатные издания трудов Лютера.....	157
Первые собрания сочинений	160
Виттенбергское издание.....	161
Йенское издание	167
Эйслебенское издание	172
Переписка Лютера.....	173
Застольные беседы	174
7. Цветение лютеровской мысли: Тематические сборники и отдельные переиздания лютеровских публикаций.....	179
В утешение и назидание народу Божию.....	179
Постиллы	180
Катехизис.....	181
Гимны.....	188
Пасторское богословие.....	190
Наставнические материалы.....	191
Молитвы	197
Библейские комментарии.....	199
Общественные идеи.....	203
Пророчества.....	207
Полемика.....	213
Пособия для чтения Лютера.....	222
8. Loci Communes Lutheri: Систематизация трудов Лютера для наставления в вере.....	229
Начало тематического подхода.....	229
Тематический обзор богословия Лютера.....	233
Систематизация трудов Лютера для назидания.....	243
Форма лютеровской мысли согласно Корвинусу.....	244
Форма лютеровской мысли согласно Киршнеру.....	247
Форма лютеровской мысли согласно бранденбургским богословам.....	253
Форма лютеровской мысли согласно Вальтеру.....	255
Форма лютеровской мысли согласно Фабрициусу.....	256
Заключение: <i>Theander Lutherus</i>	263

Приложение.....	271
Печатная история виттенбергских и йенских изданий трудов Лютера.....	271
Виттенбергское издание.....	271
Йенское издание.....	272

Funding for the publication of this volume has been provided in memory of Henry Iburg in thanksgiving for his faithful support of the Lutheran Heritage Foundation.

Средства для публикации этой книги предоставлены в память о Генри Ибурге, с благодарностью за его неизменную поддержку фонда «Лютеранское наследие».

Soli Deo Gloria!

Сокращения

- CR* Philip Melancthon. *Corpus Reformatorum. Philippi Melancthonis opera quae supersunt omnia*. Edited by Karl Bretschneider and Heinrich Bindseil. 28 vols. Halle und Braunschweig: Schwetschke, 1834-60.
- Ulrich Zwingli. *Corpus Reformatorum. Huldreich Zwinglis Samptliche Werke*. Edited by emil Egli et al. 14 vols. (88-101). Zurich: Berichthaus, 1959-68.
- LW* Martin Luther. *Luther's Works*. 55 vols. St. Louis and Philadelphia: Concordia and Fortress, 1958-86.
- WA* Martin Luther. *Dr. Martin Luther's Werke*. 65 vols. Weimar: H. Bohlau, 1883-1993.
- WA Br* Martin Luther. *Luthers Werke. Briefwechsel*. 18 vols. Weimar: H. Böhlau, 1930-85.

Иллюстрации

1. Лютер с нимбом и голубем (1520) (Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt).
2. Страдание д-ра Мартина Лютера... (1521) (Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt).
3. Портрет Лютера школы Лукаса Кранаха (1560) (Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt).
4. Вольфганг Штубер «Лютер как Иероним» (1587) (Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt).
5. «Лютер-триумфатор» (1569) (Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt).
6. «Крещение Христа и семья курфюрста» (Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt).
7. Иоганн Матезий «*Historien/Von...Martini Luthers anfang/lehr/leben vnd sterben*»... (издание 1576) (Concordia Seminary Library, St. Louis).
8. Переиздание лютеровского «*Kurz Bekentnis...vom H. Sacrament*» (1574) Concordia Seminary Library, St. Louis).
9. «Сон Фридриха Мудрого» (1617) (Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt).
10. R.P. Doct. Martini Lutherii...*lucubrationum pars una*... (1520) (Concordia Seminary Library, St. Louis).
11. Первый том виттенбергского немецкого издания (переиздан в 1556) (Concordia Seminary Library, St. Louis).
12. Лютер, «*Hauspostil*» (издание 1545) (Concordia Seminary Library, St. Louis).
13. Лютер, «*Краткий катехизис*» на немецком, латыни, греческом и иврите (1572) (Concordia Seminary Library, St. Louis).
14. Conrad Porta, *Pastorale Lutheri* (1582) (Concordia Seminary Library, St. Louis).
15. Сигизмунд Швоб, «*Регистр трудов Лютера*» (1564) (Concordia Seminary Library, St. Louis).
16. Тимофей Киршнер, «*Thesaurus explicationum omnium articulorum*»... (1566) (Concordia Seminary Library, St. Louis).
17. Тимофей Киршнер, «*Deudscher Thesaurus*»... (издание 1570) (Concordia Seminary Library, St. Louis).

Предисловие

В своей критической публикации 1529 г. Иоанн Кохлеус, злейший враг и первый биограф Мартина Лютера, охарактеризовал реформатора как человека с семью головами¹. С тех пор на протяжении ряда столетий все друзья и недруги Лютера, как один, изображают его с более чем семью лицами. Идеологи шестнадцатого века немедленно принялись внедрять свое собственное восприятие Лютера в общественное мнение. Их приемники, взяв сырой материал жизни реформатора и его мысли, придали ему те формы, которые были им выгодны. При этом историческая достоверность фактического материала не всегда была безупречна. Мало кто из мировых общественных деятелей столько претерпел в процессе популяризации, сколько Мартин Лютер.

Во все века исторические персонажи рассматривали как глину, из которой можно лепить иконы мифических пропорций, вкладывая в них свои ценности и устремления. В заряженную апокалиптическими ожиданиями атмосферу Германии позднего Средневековья ворвался Мартин Лютер, чья деятельность совпала с изобретением печатного станка. В самом начале его жизненного пути исторические и религиозные предпосылки, социальные условия и его личность соединились совершенно уникальным образом, формируя общественную фигуру, которая вскоре ярко засияла на церковном небосклоне Германии и Западной Европы. Читаемые на городских улицах, обсуждаемые в сельских тавернах, его собственные публикации, а также рассказы других о его мыслях и личности со временем породили некий культурный шаблон, который в шестнадцатом веке был использован его последователями самыми разными способами.

В заключение своего исследования об изменении образа виттенбергского реформатора Хорст Штефан (Horst Stephan) заметил, что новое восприятие Лютера всегда «рождается из новой встречи с подлинным образом, оно — лишь отражение его формы в воде разной глубины и разных оттенков»². Личность Мартина Лютера оказала непосредственное влияние на самые разные грани христианства, что по масштабам и уни-

1 Johannes Cochlaeus, *Septiceps Lutherus, vbique sibi, suis scriptis, contrarius in Visitationem Saxonicam* (Leipzig: Valentin Schumann, 1529).

2 Horst Stephan, *Luther in den Wandlungen seiner Kirche* (Gessen: Topelmann, 1907), 127.

кальности сравнимо, пожалуй, лишь с апостольским веком. Он оказал воздействие на своих последователей как священнослужитель и как учитель. Кальвинистские церкви, конечно, считают Жана Кальвина моделью и магистром своей церковной жизни. Джон Уэсли продолжает оказывать решающее влияние на церковь методистов. Лютеранская церковь в гораздо большей степени нашла в Мартине Лютере не столько учителя, сколько героя-пророка и авторитет. Наблюдение Хайнриша Борнкамма выходит за рамки культурной жизни Германии, которую он описывал: «Любое исследование Лютера и Реформации побуждает нас критически рассматривать самые основы новейшей истории. Как никто другой, Лютер всегда заставляет нас по-новому взглянуть на религиозные, духовные и политические проблемы нашего общества»³.

После Штефана многие предпринимали попытки исследовать толкование лютеровских мыслей и трудов как внутри, так и за пределами лютеранства⁴. Однако никто из них так и не уделил внимания детальному анализу того, как образ Лютера и его идеи оказали влияние на лютеранскую мысль и деятельность церкви на протяжении следующего века после появления реформатора на западной исторической арене. С самого начала студенты Лютера и его друзья воспринимали его как очень значительную личность. Некоторые считали его образцовым героем веры, другие — мудрым отцом церкви, подобным Моисею, Павлу и Августину. Многие также считали его уникальным

3 Heinrich Bornkamm, *Luther im Spiegel der deutschen Geistesgeschichte* (Heidelberg: Quelle & Meyer, 1955), 11.

4 Напр., см. Ernst Walter Zeeden, *Martin Luther und die Reformation im Urteil des deutschen Luthertums: Studien zum Selbstverständnis des lutherischen Protestantismus von Luthers Tode bis zum Beginn der Goethezeit*, 2 vols. (Freiburg/B: Herder, 1952), и Bernhard Lohse, «Zur Geschichte der Lutherdeutung» in *Martin Luther: Eine Einführung in sein Leben und sein Werk*, 2d ed. (Munich: Beck, 1983), 210–48. Относительно материалов о более ранних взглядах Лютера см. Bornkamm, *Luther im Spiegel* (очень краткое введение о периоде «от Реформации до Просвещения») и его анализ более поздних взглядов на Лютера; «Толкователи Лютера: сочинения в честь Вильгельма Пола» под редакцией Ярослава Пеликана (Филадельфия, Фортресс, 1968), серия сочинений, не повествующих о лютеранах Германии 16-го и начала 17-го веков. *Luther in der Neuzeit: Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte* под редакцией Бернда Моеллера (Gütersloh: Gerd Mohn, 1983), серия сочинений, посвященных последним двум векам, и Ulrich Michael Kremen, «Мартин Лютер с точки зрения историографии» в «Семиглавом Лютере: сочинения в честь пятидесятилетия, 1483–1983» под редакцией Питера Ньюмана Брукса (Оксфорд: Кларендон, 1983), 207–29.

служителем Божиим, пророком и эсхатологическим Ангелом из Откровения (14), который несет Евангелие в последние дни и чья власть используется в вопросах управления и направления церкви, в частности в вопросах сохранения чистого и истинного библейского учения в ходе многочисленных дискуссий.

Вне концептуальных рамок библейского гуманизма, с одной стороны, и апокалиптического мышления позднего средневековья, с другой стороны, нам, современным людям, эти образы могут показаться странными. Однако в контексте лютеровских времен они служили тем средством, с помощью которого люди могли понять влияние Лютера на их жизнь и его роль в мировой истории. Имея такой многослойный образ Лютера, его последователи принялись за преобразование устройства и идей своего мира⁵.

Цель данного исследования заключается в рассмотрении того, как проповедь и жизнь Лютера повлияли на понимание Бога и человеческой истории лютеранами Германии 16-го века. Мы выделяем три аспекта личности реформатора, которые соответствовали разным нуждам тогдашнего общества, объединявшегося вокруг религиозных идей, церковных установлений и обрядов. И хотя все эти три аспекта уже были отмечены общественным мнением в первые годы известности Лютера, с течением времени они раскрывались по-разному. Эти влияния лучше всего представлены в хронологической последовательности этапов их эволюции, отраженной в соответствующих произведениях его учеников. Конечно же, исторические исследования зачастую имеют тенденцию к упрощению, при этом категории далеко не всегда столь просты и очевидны, чтобы легко поддаваться систематизации. Потому анализ одного из аспектов обязательно прольет свет и на другие.

Прежде всего, для некоторого числа его учеников в течение

5 Данное исследование не рассматривает вопрос об успехах и неудачах Реформации. Эта дискуссия была начата Геральдом Штраусом в его труде «Luther's House of Learning: Indoctrination of the Young in the German Reformation» (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978). Заключение, сделанные на основании применения стандартов двадцатого века к материалам источника с предвзято негативным оттенком (части лютеранских проповедей о Законе, отчеты о визитациях, написанные с целью освещения проблем поместных церквей), должны внимательно проверяться исходя из фактов, которые свидетельствуют о том, что общественный менталитет центральной Европы действительно изменился под влиянием Реформации. С другой стороны, также следует отдать должное лютеровской теологии креста, утверждению, что Евангелие обречено на неудачу в мире, враждебном по отношению к Богу.

последующих десятилетий Лютер выступал в роли пророка, заместившего римских пап и соборы в качестве судебной или представительской власти (толковании высшего авторитета, Писания) в жизни церкви. Как и многие другие века, позднее Средневековье было периодом кризиса, когда люди переосмысливали место и роль авторитетов в различных аспектах своей жизни. Внутри церкви вызов, брошенный Лютером средневековому папству, усугубил этот кризис, явившись подтверждением сомнений относительно старой религиозной системы. Хотя Лютер и его соратники не отвергали древних отцов Церкви и не пренебрегали их авторитетом, они вместе с тем отстаивали верховенство авторитета Библии, поскольку для них Писание было высшим источником истины. Церковь между тем всегда нуждается в более разработанной системе для понимания библейских текстов, и традиция в руках пап, епископов и соборов уже не могла служить достаточным мерилom верности истолкования. Дабы сместить средневековые авторитеты, доселе толковавшие библейские изречения в отношении истины и жизни, Лютер выступил как пророк Божий, чьи слова имели доктринальный авторитет вторичного уровня. Те, кто верили, что этот виттенбергский профессор был Божиим посланником, гласом Небесного суда, обрушивающегося на старую систему, без труда признавали за ним этот авторитет. Когда живой миф ушел в могилу и уже не мог решать споры посредством писем или формальных факультетских тезисов, его сочинения, доступные широкому читателю в печатном виде, использовались некоторыми из учеников в качестве вторичного авторитета.

Во-вторых, все это время Лютер выступал как учитель-профессор, чье толкование библейской вести служило основанием и руководством для толкования Библии его последователями. Лютер основывал свое восприятие жизни на убеждении, что Бог Словом Своим сотворил реальность и упорядочил человеческую жизнь. Учение — содержание Слова — было для Лютера делом первостепенной важности, ибо так Бог приходил к людям в шестнадцатом веке и был их Богом. Когда реформатор был еще жив и писал свои труды, его огромная литературная продуктивность сформировала мышление широкого круга европейцев, как читающих, так и не читающих, которые слышали его идеи от других. После смерти Лютера его последователи продолжали распространять учение через множество изданий его трудов. Исследуя более глубоко роль Лютера как учителя, мы должны уделить большое внимание тому, как его сочинения переиздавались, и тому, как их использовали в лютеранских

церквях Германии после его смерти. Последователи не только переиздали полное собрание его сочинений и отдельные трактаты; они также, для удобства пасторской библиотеки, систематизировали труды Лютера по тематическому принципу. Таким образом, Лютер продолжил свое учительство даже после смерти, приходя к людям через цитаты, переиздания и организацию его идей для восприятия в новом времени.

В-третьих, для своих германских последователей Лютер прежде всего остается героем-пророком, верным сосудом, избранником Божиим, с помощью которого Господь освободил Церковь и Германию от папского гнета и лжи. Как герой-пророк Лютер символизировал Слово Божие, обрушившее Небесный суд на старую папскую систему. Он воплощал упование народа и утешение Евангелия, излившего новые благословения на верных сынов Божиих. В эти тревожные времена последователи Мартина Лютера видели в нем подтверждение того, что Бог будет судить врагов Своих и что Он освободит их в эсхатологическом смысле, даровав обетованное спасение.

Вслед за рассмотрением трех первоначальных аспектов образа Лютера, которые характеризовали его и при жизни, и после смерти (гл. 1), мы проанализируем, как эти три образа развивались в период между его смертью и началом Тридцатилетней войны (гл. 2-4). Наш исторический обзор завершится беглым взглядом на более поздние представления о Лютере, появившиеся в самом начале 17-го века (гл. 5). Чтобы оценить пророческий авторитет Лютера, проверим, сколь часто к нему обращались в своих трактатах ученики реформатора, дискутировавшие о его наследии (гл. 2). Мы проанализируем его роль как пророка-учителя, сделав краткий обзор того, как его труды использовались в разрешении дискуссий нового поколения относительно Господня Причастия (гл. 4), а также рассмотрим разные формы переиздания его сочинений (гл. 6-8). Кроме того, мы соединим приписываемый ему всеобщим мнением статус героя с отдельными аргументами, которые лютеране употребляли против римско-католической партии в отношении учения и личности Лютера (гл. 3).

После всех этих размышлений мы, в конечном счете, придем к пониманию того, как после своей смерти Лютер продолжал выступать в качестве авторитета, учителя и героя для тех, кому было дорого его имя. Мы также увидим, что в течение 16-го века образ Лютера как авторитета перестал существовать, образ учителя был сведен к минимуму, а образ героя продолжил

свое существование в этот критический период вплоть до начала Тридцатилетней войны. В ходе этих рассмотрений проявятся некоторые аспекты сущности церковной власти — как ее понимал Лютер и его последователи, — а также то, как определялась и доносилась библейская проповедь в соответствии с лютеровской традицией. Кроме того, мы увидим их концепцию Церкви в условиях изменяющегося общества⁶.

6 Эти идеи первоначально были изложены в моем эссе «Тяжелые времена и мучительные беспокойства. Роль дискуссий в традиции от Лютера до лютеранской ортодоксии» в *Pietas et Societas: Новые тенденции в преобразованиях социальной истории: эссе в память о Гарольде Д. Гримме*, под редакцией Киля С. Сешнс и Филиппа Н. Бебба (Кирксвилль, Миссури, Регистр шестнадцатого века, 1985), 181-201. Они были расширены в «Die Umgestaltung und theologische Bedeutung des Luthersbildes im späten 16. Jahrhundert» в *Die lutherische Konfessionalisierung in Deutschland: Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte 1988*, под ред. Hans-Christoph Rublack (Gütersloh: Mohn, 1992), 202-31. Я благодарен Рублаку, который вдохновил меня расширить эти идеи, сначала в лекции для симпозиума (*Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte*) и впоследствии в виде книги. Я также признателен Айрин Дингель за ее предложения по улучшению рукописи, Ричарду Мюллеру за его поддержку и ободрение, за его внимательный редакторский глаз и верную руку.

Часть первая

Theander Lutherus

*Муж Божий как пророк,
учитель и герой*

1. Живой пророк: Лютер глазами современников

В 1520 году Ульрих Цвингли, ставший затем большим недругом Лютера, писал, что он и многие другие южногерманские и швейцарские гуманисты почитали Мартина Лютера современным Илией⁷. Пятнадцатью годами ранее этот самый Мартин Лютер вошел в стены Августинского монастыря в Эрфурте трепещущим грешником. В 1507 г. страх перед всемогуществом Божиим охватил его во время освящения элементов мессы. Пятью годами спустя, в 1512-м, он неохотно окончил свою подготовку к получению степени доктора библейского богословия и продолжил монотонную жизнь монаха и университетского наставника. К 1520 году Лютер приобрел европейскую известность и был назван воплощением эсхатологических чаяний германского народа.

Причина, по которой Лютера называли пророком как Цвингли, так и другие, образованные и необразованные, заключалась не в его верном и действенном служении, не в успешной административной деятельности (которые действительно имели место) и не в том, что он читал интересные лекции своим студентам. Столь быстрое возвышение и интеллектуальное влияние он приобрел благодаря идеям и тому поведению, к которому побуждали эти идеи. Последовательность идей и поступков вытолкнула имя Лютера на поверхность, и уже скоро его знали повсеместно в церковных кругах всех европейских земель и особенно в Германии.

Лютер жил в век больших надежд и страстных упований. Гуманисты ратовали за восстановление хорошего образования, а значит за общественный порядок и благосостояние. Питая самые разнообразные апокалиптические ожидания, простой люд жаждал новой эпохи.⁸ Кризис пасторского служения охватил за-

⁷ Ульрих Цвингли, письмо к Освальду Микониусу (Oswald Myconius) от 4 января 1520, в *Huldreich Zwinglis Samtliche Werke* 7:250 (CR 94); Ульрих Засиус (Ulrich Zasius), письмо к Цвингли, 13 ноября 1519 (там же, 222), содержит еще одну ссылку из переписки Цвингли, похожую, однако не сохранившуюся.

⁸ Робин Брюс Барнс (Robin Bruce Barnes), «Пророчество и Gnosis: апокалиптизм, разбуженный лютеранской Реформацией» (*Prophecy and Gnosis: Apocalypticism in the Wake of the Lutheran Reformation*) (Stanford: Stanford

падное христианство, и многие зывали к Богу, моля о прямом вмешательстве в их жизни.

И вот на такую арену вынесло этого трепещущего грешника, студента, неохотно поднимающегося по ступенькам академической лестницы, исполняя волю своего начальства. К тому времени он добился относительного успеха, работая преподавателем в одном из малоизвестных университетов где-то на задворках цивилизации. Постепенно он снискал уважение других богословов Германии.⁹ В 1515 и 1516 годах Лютер выдвинул предложения по реорганизации академического богословия как в формальном, так и содержательном плане. Желая проверить свои идеи, он написал тезисы об аристотелевской теологии и идеях Апостола Павла, предназначенные для академического диспута.¹⁰ Эти тезисы поставили под сомнение фундаментальные парадигмы богословской системы тех дней, которыми было сформировано его собственное мышление. Его разум уже пришел в движение, и он хотел увлечь за собой Церковь при помощи обычного профессорского средства — академических дебатов.

Начало Реформации

Сам Лютер впоследствии говорил, что еще одна порция тезисов, написанных специально для академических дебатов, стала первым решающим шагом на пути к признанию его пророком. Таким же образом родилось и множество других аналогичных образов. Он подготовил знаменитые «Девяносто пять тезисов», посвященные вопросу индульгенций, в конце октября 1517 года, и таким образом, говоря его собственными словами, «попал во всю эту суматоху чисто случайно, не по своей воле или намерению»¹¹. В предисловии к первому тому виттенбергского издания его трудов, написанных по-латыни, который вышел в свет в 1545 году, он обрисовал в общих чертах начало Реформации. Здесь он указал на тезисы об индульгенциях как на поворотную

University Press, 1988), особ. 19-30.

9 Helmar Junghans, *Der junge Luther und die Humanisten* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985), 288-91; Leif Grane, *Martinus Noster: Luther in the German Reform Movement, 1518-1521* (Mainz: Zabern, 1994), 147-87.

10 Прежде всего это тезисы, которые Лютер написал для Бартоломеуса Бернхарди (Bartholomaeus Bernhardi) «Quaestio de viribus et voluntate hominis sine gratia disputata», WA 1:145-51, а также те, что с подсказки Лютера были написаны Францем Гюнтером (Franz Günther) в поддержку его собственного «Disputatio contra scholasticam theologiam», WA 1:224-28.

11 WA 54:180.2-4; LW 34:328.

точку, после которой его идеи подхлестнули события, изменившие западный мир.¹² Он также отметил, что все эти события последовали в результате его конфликта с папством.

Невозможно точно установить, излагал ли Лютер в этих тезисах свои окончательные и полные убеждения относительно индульгенций. Он был совершенно не обязан это делать, когда составлял свои тезисы для академического диспута. Сам жанр был придуман интеллектуалами, которые использовали его, чтобы разжечь дискуссию и выявить истину, не давая при этом однозначных ответов сразу. Кроме того, как бы эти тезисы ни раскрывали состояния богословия Лютера на тот момент, они не являют собой особой вехи в его богословском пути.

Однако «Девяносто пять тезисов» чрезвычайно важны в плане развития лютеровской карьеры и западной цивилизации. Они связаны с первым серьезным применением печатного станка, изменившим направление развития общества. Хотя, как отмечает Элизабет Эйзенштейн, средневековая церковь уже предпринимала попытки прибегнуть к помощи печатного станка, стремясь распространить идею крестового похода против турок, именно Лютер предпринял по-настоящему первую попытку «задействовать потенциал печатного станка как средства массовой информации. Это также было первое из религиозных и светских движений, которое воспользовалось возможностями печати для открытой пропаганды и агитации против существовавшей системы».¹³ Сочиняя свои тезисы, Лютер и не подозревал, что создает прецедент современного феномена средств массовой информации.

Масштабы этого первого печатного взрыва сложно оценить даже сегодня. Лютер, сидя в своей келье Черного монастыря, громил Иоганна Тетцеля, ничуть не подозревая, что эти тезисы опубликуют и они в считанные недели принесут ему всемирную известность. К 1520 г. Лютер опубликовал около тридцати трактатов и книг, которых было продано, согласно одному подсчету, более шестисот тысяч экземпляров.¹⁴ Через некоторое время с

12 *WA* 54:180.5-20; *LW* 34:329. По поводу реакции на публикацию «Девяносто пяти тезисов» см. Юнгханс (Junghans), *Der junge Luther*, 292-93.

13 Elizabeth L. Eisenstein, *The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early-Modern Europe*, 2 vols. (Cambridge: Cambridge University Press, 1979), 1:303-4.

14 Бернд Мёллер (Bernd Moeller), *Deutschland im Zeitalter der Reformation*, 2d ed. (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1981), 62. О распространении лютеровской проповеди внутри и за пределами Германии см. «Das Berühmtwerden Luthers,» *Zeitschrift für historische Forschung* 15 (1988): 65-92,

его идеями уже знакомились, их усваивали, перелицовывали и перепродавали как священнослужителям, так и мирянам. И хотя Лютера не всегда понимали так, как ему хотелось бы, он, несомненно, был первым «выдающимся публицистом» своего сложного времени, времени начала Реформации. Более 20 процентов всех брошюр в Германии, опубликованных за период с 1500 по 1530 год, вышли из-под его пера (все они, разумеется, относятся ко второй половине этого периода).¹⁵

И все же призыв Лютера к Реформации был услышан широкими народными массами в шестнадцатом веке отнюдь не только по причине активного использования печатного станка. Наблюдение Марка Эдварда бьет в самую точку: Реформация была «устным событием», так как большинство современников Лютера скорее слушали проповедь, чем читали ее.¹⁶ Часто проповедники (по крайней мере в Германии) так или иначе распространяли новые мысли, прежде чем их слушателей достигали труды Лютера.¹⁷ Вместе с тем Эдвард, безусловно, прав, заявляя, что «печатное слово играло ключевую роль в Реформации. Будучи 'подогрето' устными проповедями и беседами, оно действительно являлось основным фактором, способствовавшим распространению этого относительно последовательного учения по немецкоязычному миру».¹⁸ Печатное слово «разнесло эти губительные идеи (Лютера и других реформаторов) по истине молниеносно, что было бы невозможно до изобретения станка. Более того, это позволило идеологическому вождю, Мартину Лютеру, быстро установить связь с другими 'идейными' лидерами движения, помочь им поддерживать связь друг с другом, обмениваться опытом и идеями и распространять свою (относительно скоординированную программу) на территории,

а также «Die Rezeption Luthers in der frühen Reformation», *Lutherjahrbuch* 57 (1990): 57-71», а также «Luther in Europe: His Works in Translation, 1517-46» in *Politics and Society in Reformation Europe: Essays for Sir Geoffrey Elton on His Sixty-Fifth Birthday*, под редакцией Е.И. Коури и Тома Скотта (E. I. Kouri and Tom Scott) (Нью-Йорк: St. Martin's, 1987), 235-51.

15 Mark V. Edwards Jr., *Printing, Propaganda, and Martin Luther* (Berkeley: University of California Press, 1994), 1-2, 172.

16 Там же, 11, 37.

17 Что это не всегда было так, продемонстрировал Дэвид П. Дэниэл (David P. Daniel) «Publishing the Reformation in Habsburg Hungary», *Habent sua fata libelli, Books Have Their Own Destint: Essays in Honor of Robert V. Schnucker*, ed. Robin B. Barnes, Robert A. Kolb, and Paul L. Presley (Kirksville, Mo.: Thomas Jefferson University Press, 1998), 47-60.

18 Edwards, *Printing*, 172.

более обширной в географическом отношении. Все это было бы невозможно до изобретения станка».¹⁹

Печатный станок не только способствовал обнародованию лютеровской проповеди, но и распространил ее среди широкой публики. С появлением в печатном виде «Девяноста пяти тезисов» об индульгенциях Лютер моментально овладел вниманием всей Германии и всего христианского мира. Как сказал Эдвард: «Лютер не просто один из плеяды публицистов, он — ведущий публицист» своего времени. И Эдвард продолжил: «Никакой другой из известных мне вождей пропагандистских кампаний и массовых движений не доминировал настолько сильно».²⁰ Печатный станок позволил одному интеллектуалу с дерзкими идеями оказать беспрецедентное влияние на общество. Его коллеги и люди с улицы могли обращаться к его идеям и впитывать их, поскольку они были распространены через печать как никогда широко. Призыв Лютера стал чем-то большим, чем обычное обсуждение идей и воззрений, он стал, по наблюдениям его современников, историческим водоразделом.

В поздних автобиографических очерках Лютер делал различие между событиями, которые привели к его признанию героем и пророком, и идеями, которые, по его глубокому убеждению, были действительно пророческими откровениями, полученными от Бога. Он вспоминал, что эти идеи окончательно не были оформлены до осени 1517 года.

После перечисления баталий, которые ему пришлось вести с официальной церковью на протяжении последующих двух лет, Лютер отмечал: «На моем примере вы можете видеть, как сложно бороться и как сложно противостоять тем заблуждениям, которые были общепринятыми во всем мире».²¹ В 1519 году, начав повторно читать лекции о Псалтири (первоначально эти лекции были прочитаны в 1513-15 гг.), он окончательно оставил прежние ошибочные взгляды и пришел к осознанию учения праведности Божией, а также разницы между двумя типами праведности человека (в глазах Божиих и в отношениях с другими людьми), и к 1535 году объявил это центром своего богословия.²² Таким образом, даже до того как пророческое откровение обрело окончательную форму, его идеи породили события, сделавшие Лютера народным героем.

¹⁹ Там же, 7.

²⁰ Там же, xii.

²¹ *WA* 54:183.21-23; *LW* 34: 333-34.

²² *WA* 40.1:40-51; 54:186.3-29; *LW* 26:4-12; 34:337.

События, разгоревшиеся после опубликования «Девяноста пяти тезисов» об индульгенциях, сделали Лютера известнейшей фигурой. Его современники признавали ключевую роль «Девяноста пяти тезисов», поскольку именно благодаря им Лютер стал выдающимся общественным деятелем. Практически все рассуждения его современников о причинах Реформации совпадают с оценкой самого Лютера того, что принесло ему славу героя. Наиболее значительным исключением является Георг Спалатин, близкий друг Лютера и соратник, служивший в то время секретарем у Фридриха Мудрого, курфюрста Саксонского. Его «Анналы Реформации» начинаются с рассказа о том, как в 1518 году он сопровождал курфюрста Фридриха на имперский сейм в Аугсбург. Так он избежал рассуждений о «Девяноста пяти тезисах». Отчасти это может объясняться тем, что сам Спалатин никогда лично не участвовал в публикации этого документа; в то время он находился в курфюршеском суде, а не в университете. Однако в Аугсбурге он все-таки присутствовал. Там, в качестве советника князя, он был свидетелем встречи Лютера с папским представителем кардиналом Каетаном и мог поместить это событие в более широкий контекст противостояния германской нации, представленной на сейме, и папства. Частью этого контекста было обсуждение на сейме некоторых жалоб в отношении римского «гнета». Спалатин изобразил Лютера как героя, ступившего в Аугсбург, ничем себя не обезопасив, смело отстаивавшего истину, но одновременно оказывающего должное почтение кардиналу. Для Спалатина Реформация, которую он определял как конфликт между Лютером и папской партией, отказывающейся следовать Слову Божию, направляющему Его Церковь, началась в политическом контексте Германского сейма в Аугсбурге.²³ Некоторые современники Спалатина, впрочем, представили иную картину событий. Например, в своем очень кратком введении к «Государству религии и всеобщего благосостояния» при Карле V страсбургский историк Иоганн Слейдан прокомментировал «Девяноста пять тезисов».²⁴ Фридрих Микониус, пастор в Готе и, подобно Спалатину, наперсник виттенбергских реформаторов, отнес начало Реформации к 1517 году и, по сравнению с

23 "Georgii Spalatini, Annales Reformationis, oder Jahr-Buecher von der Reformation Lutheri," ed. Ernst Salomon Cyprian, in Wilhelm Ernst Tentzel, *Historischer Bericht vom Anfang und ersten Fortgang der Reformation Lutheri* (Leipzig: Gleditsch and Weidmann, 1718), 2:1-7.

24 *Commentariorvm de statv religionis & Reipublicae, Carolo Quinto Caesare, Libri XXVI* (Strassburg: Theodosius Rihel, 1559), 1-2.

кратким комментарием Слайдануса, более подробно рассказал о событиях вокруг тезисов. После вступительной главы о том, «как образовалось папство и как антихрист ввел христианство во грех», Микониус рассказал в общих чертах о Реформации, показав Лютера в начале его жизненного пути как «ученого монаха, преданного папскому учению». Лютер начал выражать свое недовольство из-за архиепископа Альбрехта Майнского, продававшего индульгенции по приказу папы Льва X. Реакция Лютера на продажу индульгенций была вызвана его заботой о людях, его пасторской чуткостью. Одному Лютеру доставало храбрости высказывать недовольства, разделяемые многими, однако, как говорит Микониус, он делал это совершенно обычным образом, в письмах епископам и на академических диспутах. Однако через две недели вся Германия, а через месяц весь христианский мир читали его тезисы, «как если бы их содержание было доставлено самими Ангелами».²⁵ Такое рассуждение с позиции преданного последователя — больше чем просто мнение Микониуса двадцать лет спустя. Практически мгновенно возбуждаемое любопытство стало повсеместной реакцией народа на случайное публичное выступление Лютера. Благодаря этому лютеровская Реформация началась в атмосфере чуда. В мире, доселе не знавшем возможностей печатного станка, его мгновенное воздействие на церковную и политическую жизнь Германии казалось сверхъестественным.

Лютеровское богословие креста также оказало сильное влияние на рассуждения Микониуса о начале Реформации. Это богословие учит, что Бог являет Себя в тайне яслей и креста, в самом униженном человеческом состоянии. Микониус отметил, что во время диспута об индульгенциях Лютер проповедовал в маленькой неказистой часовне на территории Августинского монастыря в Виттенберге. Эта часовня формами напоминала изображаемый художниками вифлеемский хлев, в котором был рожден Христос. «В этой убогой, жалкой и полуразваленной часовне Бог позволил Своему драгоценному святому Евангелию и драгоценному Сыну Иисусу родиться снова в эти последние дни», — писал Микониус.²⁶

Параллели между решающим Божиим вмешательством в человеческую историю через Иисуса Христа и современным вмешательством Бога ради восстановления Христова благовестия через Мартина Лютера не остались незамеченными.

25 “Friderici Myconii, Historia Reformationis vom Jahr Christi 1517. bis 1542.,” ed. Ernst Salomon Cyprian, in Tentzel, *Historischer Bericht*, 2:1-23.

26 Там же, 24-25.

Соратник Лютера Филипп Меланхтон понимал первые шаги лютеровской Реформации подобно Лютеру. Он составил небольшой обзор жизненного пути реформатора для второго тома виттенбергского издания трудов Лютера на латыни (1546). Меланхтон обратил внимание на духовную борьбу Лютера как монаха и профессора в 1510-х и выявил ростки Реформации в сознании своего коллеги до его встречи с неизвестным старым монахом, который отвел брата Мартина в сторону и указал ему на слова символа веры: «Верую в отпущение грехов». Монах также направил Лютера к комментариям Бернарда Клервоского о прощении грехов через благодать Божию во Христе. По словам Меланхтона, Лютер приступил к изучению Павла и Августина, однако продолжал во многом зависеть от схоластических богословов Габриеля Биля, Жана Жерсона и Уильяма Оккама, которых он предпочитал Фоме Аквинскому и Дунсу Скоту.

Меланхтон кратко изобразил богословский путь Лютера: лекции о Послании к Римлянам, затем о Псалтири в 1513-15 гг. и снова о Псалтири в 1519 г. (повторный цикл лекций). Этот второй цикл лекций показал, «как, по рассуждению всех благочестивых и благоразумных людей, после долгой ночи искаженного учения (папства) засиял свет». Лютер возродил верное соотношение между Законом и Евангелием. Он разогнал страх, царивший в результате папского учения о том, что человеческими делами можно заслужить прощение грехов. После развернутого обзора лютеровского толкования Евангелия Меланхтон написал, что «в течение всех этих событий» Лютер, спровоцированный «наглостью этого лизоблюда Тетцеля», обнародовал свои возражения против индульгенций. Далее Меланхтон перечислил конфликты, которые разгорелись на волне диспута об индульгенциях и продолжались на протяжении нескольких лет.²⁷ Таким образом, акцент в его биографическом очерке прежде всего сделан на богословском развитии Лютера, а затем на порожденных им событиях. Все эти события происходили, как полагал Меланхтон, из диспута об индульгенциях. Потому во *Всемирной хронике*, начатой его учеником Иоганном Карионом и отредактированной его зятем Каспаром Пойзером, 31 октября 1517 г. названо датой начала Реформации.²⁸

Николаус фон Амсдорф разделил с Лютером и Меланхтоном горячую пору дискуссии об индульгенциях как коллега по Виттенбергу. В 1555 г. он взялся за перо и предпринял вторую попытку издать собрание сочинений Лютера, йенское издание.

27 CR 6:155-70.

28 Johannes Carion, *Chronica* (Wittenberg, 1532), f.ij^r.

Оно было задумано с целью исправления виттенбергского издания; в него вошли предисловия Лютера и Меланхтона, о которых мы упомянули выше. Амсдорф не предложил своей биографии Лютера в предисловии к первому тому йенского издания, но объяснил, почему его хронологическая последовательность лютеровских работ более совершенна, чем тематическая последовательность виттенбергского издания. До 1517 г. реформатор еще не пришел к своему наиболее зрелому пониманию Евангелия, и именно тогда появилась его первая значительная публикация: «Девяносто пять тезисов». В период, отраженный в первом томе йенского издания, 1517-21 гг., Лютер все еще писал в «папской манере», особенно, как вспоминал Амсдорф, в отношении власти папы и епископов, мессы и причащения двумя элементами.²⁹ Вместе с тем, хотя Амсдорф заключил, что пророческая проповедь Лютера еще не полностью созрела к тому времени, события 1517 г. имели решающее значение для развития всей Реформации.

Это мнение, по-видимому, разделялось учениками Лютера, прошедшими через борьбу 1510-х гг. в Виттенберге. Десятилетием позже один из наиболее блестящих учеников, Иоганн Агрикола, относил начало Реформации к 1517 г.³⁰ Следующее поколение виттенбергских студентов делало так же.

Один из последних учеников Лютера и его личный секретарь Иоганн Аурифабер, первый редактор переписки реформатора, изобразил аналогичную картину начала Реформации. В предисловии к первому тому собрания переписки Лютера он поместил реформатора в один ряд с глашатаями и свидетелями Слова Божия, от Исаии до Павла и вплоть до шестнадцатого века. Проповедники Слова Божия всегда подвергались нападениям противников истины, заметил Аурифабер. Ученики Лютера хорошо усвоили, что конфликт между Богом и сатаной развивается в истории Церкви.³¹ Мефодию пришлось бороться с Оригеном, Августином с Пелагием, Бернарду Клервоскому не удалось избежать столкновений с его противниками среди монахов. Лютер не мог бы ожидать иного, будучи учителем Слова Божия.

29 *Der Erste Teil aller Bu[e]cher vnd Schrifften des thewren/seligen Mans Doct: Mart: Lutheri/vom XVII. jar an/bis auff das XXII.* (Jena: Christian Rödingen, 1555), preface.

30 *Epistola S. Pavli ad Titum...* (Hagenau: Johannes Secer, 1530), E3^r.

31 Относительно понимания Лютером борьбы между Богом и сатаной в человеческой истории см.: John M. Headley, *Luther's View of Church History* (New Haven: Yale University Press, 1963), 19-41, 59-69.

Аурифабер начал свой очерк с получения Лютером ученой степени. С того времени «Лютер уже не проводил времени в праздности, напротив, он читал и размышлял над Писанием, так что подорвал здоровье учебою, бдениями, постами и молитвами, пока не была открыта Тетцелем дискуссия об индульгенциях, в ходе которой он был освобожден Богом из темницы и камеры пыток совести».

Здесь Аурифабер сделал небольшую остановку, дабы напомнить читателям о том, в каком состоянии пребывало христианство, когда Лютер «восстал, чтобы очистить Церковь от учений бесовских» (1 Тим. 4:1), заразивших ее в годы «египетского и вавилонского пленения». Разоблачение Тетцеля способствовало началу освобождения Лютера, хотя это противостояние было важно прежде всего потому, что вело к противостоянию между Лютером и папскими богословами, в первую очередь, к его борьбе с Каетаном в Аугсбурге 1518 г.³²

Аурифабер, как и Амсдорф, полагал, что богословие Лютера развивалось на протяжении его жизни. Он также признавал, что события, последовавшие за обнародованием «Девяноста пяти тезисов», положили начало тому, что Лютер возвысился как герой, вступивший в схватку с папством. Он также признавал, что именно в результате этой дискуссии произошло богословское освобождение Лютера, освобождение из темницы, в которую средневековая доктрина заточила его совесть. Это освобождение позволило ему выступать в качестве пророка Божия.

Для Аурифабера, как и для Микониуса и Меланхтона, идеи и события, сделавшие Лютера орудием Божиим, были неразрывно связаны. Более ранние повествования о Лютере уделяют больше внимания событиям Реформации, чем развитию его мышления. С точки зрения его последователей-современников, а также их непосредственных преемников, конфликт Мартина Лютера с папскими оппонентами был именно тем фактором, который вытолкнул Лютера на общественную арену как героя и пророка — он не был затворником-мыслителем, отделенным от мира. Его драматический взлет позволил ему в дальнейшем играть ведущую роль в жизни Церкви и общества. Он представил свою проповедь как вызов старым богословским парадигмам и церковному устройству.

От монаха и учителя до пророка и посланца Божия

События, последовавшие за лютеровской критикой индуль-

32 *Epistolarvm Reverendi patris Domini D. Martini Lutheri, Tomus primus* (Jena: Christian Rödinger, 1556), aij-[*v]f.

генций, переместили его в центр внимания европейских интеллектуалов и всего германского народа. Причины его славы или неприятия отличались в разных социальных группах. Старые гуманисты восторженно восприняли его призыв к реформе, поскольку верили, что любая реформа поддержит их собственную. Богословы поколения Эразма сначала не подозревали, что их концепция моральной и организационной реформы может не вполне совпадать с лютеровской идеей доктринальной реформы. Поэтому старшие представители гуманистического движения восхваляли Лютера в высокопарном стиле, бывшем в употреблении среди них в конце 1510-х гг. Так они повлияли на его самосознание, равно как и на общее позитивное восприятие интеллектуальными вождями его позиции.³³

Подобным же образом германский народ с энтузиазмом отнесся к тяжбе Лютера с Римом и воспринял ее как свою собственную. Накануне сейма в Вормсе 1521 г. папский легат Иероним Алеандер заметил: «Вся Германия, кажется, охвачена волнением; девять десятых кричат: ‘Лютер’, а остальная, десятая, часть — если Лютер для них никем не является — по меньшей мере, кричат ‘Долой римское правление!’»³⁴ Очевидно, многие не видели большой разницы между позицией Лютера и их собственной. Лютер выступал в роли вождя реформ, но ни интеллектуалов, ни простой люд не интересовало его определение реформы. Изначально ничуть не подозревая, он затронул глубокие апокалиптические ожидания как простых крестьян, так и гуманистов.³⁵ И те, и другие принялись лепить его образ.

Роберт Скрибнер полагает, что существовало три аспекта наиболее ранних впечатлений, сложившихся у германского народа о своем новом герое и пророке, впечатлений, навеянных

33 Junghans, *Der junge Luther*, 288-318; Grane, *Martinas Noster*, 147-66. Относительно различий между гуманистами поколения Эразма и Меланхтона см. Lewis W. Spitz, “The Third Generation of German Renaissance Humanists» in *Aspects of the Renaissance: A Symposium*, ed. Archibald R. Lewis (Austin: University of Texas Press, 1967), 105-21. Юнгханс (стр. 316) отмечает, что хронология осознания Лютером своей пророческой роли, предложенная Эрвином Мюльхауптом (Мюльхаупт не обнаруживает подобного осознания до 1521 г. и видит лишь постепенное осознание этой роли к 1530 г.), является слишком поздней. См. Erwin Mühlhaupt, “Martin Luther oder Thomas Müntzer—und wer ist der rechte Prophet?” *Luther* 45 (1974): 55-71.

34 Martin Brecht, *Martin Luther: His Road to Reformation*, 1483-1521, trans. James L. Schaaf (Philadelphia: Fortress, 1981), 439.

35 Will Erich Peuckert, *Die Grosse Wende, Geistesgeschichte und Volkskunde* (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1966), 25-474.

иллюстрациями из популярных брошюр. Лютера изображали как «монаха, теолога и человека Писания».³⁶ Рядом с религиозными мотивами в сакральной культуре Германии Позднего Средневековья появились мотивы национального педагога и освободителя. Гуманисты и политические лидеры с радостью приписывали Лютеру эти роли, окрестив его героем и воплощением совершенства.

Лютер с нимбом и голубем (1520)
(Мемориальный фонд Лютера
в Саксонии-Анхальт).

Поэт Ганс Сакс увидел Лютера как Виттенбергского Соловья, чья песнь пробудила христианство, заставив его узреть близость волка, папства, призвала грешников к покаянию и евангельскому утешению. Художник Альбрехт Дюрер превознес его как «человека, одаренного Святым Духом».³⁷ Ганс Гольбейн окрестил его «Германским Геркулесом» в иллюстрации 1523 г. В облачении монаха, со шкурою льва и дубинкою, напоминающими о мифическом Геркулесе, Лютер изображен в схватке с Якобом

фон Гоогстратеном, доминиканским профессором из Кёльна. Он уже низверг Аристотеля, Фому Аквинского, Уильяма Оккама, Николая Лиру, Петра Ломбарда и Дунса Скота. В прилагаемом трактате подробно описывались героические подвиги Германского Геркулеса в борьбе с папским гнетом.³⁸ Подобные трактаты повторяли эту тему и развивали ее в исключительно национальных терминах, играя тем самым на недовольстве немцев итальянским засильем, что составляло основу обычных

36 Robert W. Scribner, *For the Sake of Simple Folk: Popular Propaganda for the German Reformation* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981), 15.

37 Hans Preuss, *Martin Luther: Der Prophet* (Gütersloh: Bertelsmann, 1933), 59-63; о стихотворении Сакса 1523 г. см.: *Hans Sachsens ausgewählte Werke* (Frankfurt/Main: Insel, 1961), 1:12-21. О Саксе и Реформации см.: *Bernd Balzer, Bürgerliche Reformationspropaganda: Die Flugschriften des Hans Sachs in den Jahren 1523-1525* (Stuttgart: Metzler, 1973).

38 Scribner, *Simple Folk*, 32-34.

публичных дебатов в Германии Позднего Средневековья.³⁹ «Герой» — многозначное слово. Лютер сам выработал концепцию *vir heroicus*, Богом избранного орудия, которому Он дает особое поручение — исполнить Божию волю, в особенности в те времена, когда обычные человеческие институты уже не служат нуждам людей.⁴⁰ Для многих его последователей Лютер полностью соответствует такому определению.

В действительности — неразделимыми со всем этим, но по сути более важными, чем восхваления гуманистов и самодовольные национальные похвалы, которыми осыпали Лютера, были присущие ему черты мужа Божия. Возвращаясь к категориям Скрибнера: «Лютер как монах — это тот, кто живет благочестивой христианской жизнью, как богослов — он учитель благочестия, как человек Писания — тот, кто указывает на учение о спасении».⁴¹ Скрибнер отмечает: «Эти признаки являются столь убедительными, что за ними виден Лютер, даже если нет никакого внешнего сходства».⁴²

И на иллюстрациях, и в текстах ранних трактатов Лютер изображался как монах, которого можно было принять за святого. Его лику сопутствовали нимб и Святой Дух в виде голубя, как символы божественного вдохновения, подобно св. Григорию и другим великим учителям Церкви.⁴³ Трактаты описывали его личность и характер в терминах святости.⁴⁴ В 1521 г. вышел в свет трактат, где суд над Лютером в Вормсе сравнивался со страстями Христовыми.⁴⁵

Мало кто заходил столь далеко. Вместе с тем апокалипти-

39 Там же, 34-36. См. также: Andrea Körsgen-Wiedeburg, "Das Bild Martin Luthers in den Flugschriften der frühen Reformationszeit," in *Festgabe für Ernst Walter Zeeden zum 60. Geburtstag am 14. Mai 1976*, ed. Horst Rabe, Hansgeorg Molitor, and Hans-Christoph Rublack (Münster: Aschendorff, 1976), 162-64.

40 Gustaf Wingren, *Luther on Vocation*, trans. Carl C. Rasmussen (Philadelphia: Muhlenberg, 1957), 156-61.

41 Scribner, *Simple Folk*, 17.

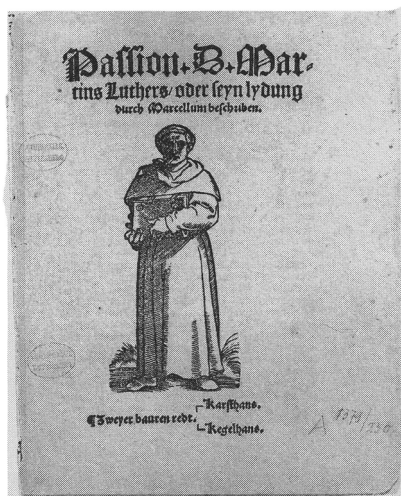
42 Там же, 15.

43 Там же, 17-20. О позднейшем отношении к Лютеру как к человеку, сменившему средневековых святых, см.: Robert Kolb, *For All the Saints: Changing Perceptions of Martyrdom and Sainthood in the Lutheran Reformation* (Macon, Ga.: Mercer University Press, 1987), 103-38.

44 Körsgen-Wiedeburg, "Das Bild Martin Luthers," 154-56. См. также: Marc Lienhard, "Held oder Ungeheuer? Luthers Gestalt und Tat im Lichte der zeitgenössischen Flug-schriftenliteratur," *Lutherjahrbuch* 45 (1978): 56-79.

45 О кратком содержании этого трактата см.: Scribner, *Simple Folk*, 21, или: Lienhard, «Held oder Ungeheuer?» 64.

ческая озабоченность Позднего Средневековья ухватила за Лютера как за воплощение своих надежд на впечатляющие изменения в Церкви и обществе. Еще до его появления в Вормсе и сразу после того многие трактаты называли его то избранным Божиим сосудом, то орудием Божиим, то глашатаем истинного учения, то истинным папой и апостолом, то добрым пастырем,

Страдание д-ра Мартина Лютера... (1521) (Мемориальный фонд Лютера в Саксонии-Анхальт).

о котором пророк Иезекииль сказал, что он будет пасти народ Христов (Иез. 34:22-23). Его приветствовали как нового Даниила и, прежде всего, как нового Илию.⁴⁶ Сравнения Лютера с библейскими пророками особенно примечательны, поскольку они подпитывались средневековой традицией, ожидавшей пророка, освободителя от всех бед. Великий исторический замысел, провозглашенный Иоахимом Флорским, был лишь самым известным из нескольких эсхатологических планов нового мирового устройства под властью Божией. В десятилетия, непосредственно предшествовавшие приезду Лютера в Виттенберг,

подобные ожидания культивировались такими популярными проповедниками, как Иоганн Гейлер фон Кайзерсберг и астроном-мыслитель Иоганн Лихтенбергер.

Лютеру досталась в наследство народная мечта о пророке, мечта, наполнявшая сердца многих немцев в начале шестнадцатого века.⁴⁷

Скрибнер цитирует трактат Хауга Маршалка Аугсбургского (Haug Marschalck of Augsburg), изданный в 1523 г., в качестве выразительного свидетельства того, как средневековая эсхатология была наложена на виттенбергское движение. Маршалк связывал Лютера с пророчествами об императоре Фридрихе II, который был широко почитаем как эсхатологический спаситель и который вскоре должен восстать из мертвых, чтобы

46 Körsgen-Wiedeburg, "Das Bild Martin Luthers» 156-60.

47 Preuss, *Martin Luther*, 4-72.

реформировать христианскую Европу. Аугсбургский памфлетист изобразил курфюрста саксонского Фридриха Мудрого как легендарного императора Фридриха II, который позволяет Христу восстать из могилы, куда Его поместила папская система. В поисках Христа или Слова Божия из могилы вышли три Марии. Этими тремя Мариями последних дней, посланными со Словом Божиим в Писании, являются Лютер, Меланхтон и Андреас Карлштадт. Маршалк сочинил акростих на основании имени Лютера, в котором утверждалось, что он — разоблачающие антихриста Илия и Енох, а также Равви, который поразит извративших Писание.⁴⁸ Восстановление истинной церкви следует за сокрушением неверных. То и другое произойдет в результате провозглашения Слова Божия. Пророческая миссия сокрушения врагов Божией истины, папства и его последователей занимала в этой и других брошюрах столь же важное место, как и пророческая миссия провозглашения Слова Божия.⁴⁹ Таким образом, Лютер уже в 1523 г. был признан как героем-пророком, так и пророком-учителем.

Помимо Илии и Еноха, Ангел из Откровения (14:6-7) был еще одним символическим персонажем, пригодным для изображения значимости Лютера. В 1522 г. собрат-августинец Лютера Михаэль Штифель опубликовал песню под названием «О дарованном Христом истинном учении доктора Мартина Лютера». Идеи Лютера нашли глубокое сочувствие в сердце Штифеля, находившегося под сильным влиянием апокалиптических ожиданий Позднего Средневековья. Первые тридцать две строфы его поэтического воззвания в пользу лютеровских идей обыгрывают имя Лютера, напоминая об Ангеле из Откровения (14), о котором сказал св. Иоанн: «Иоанн писал нам об Ангеле, который принесет Слово Божие во всей чистоте [gantz luter offenbar]». Штифель изобразил сцену эсхатологической битвы, в ходе которой Ангел должен сразиться с волком в Божьем стаде, то есть с папой. Указание на апокалиптические видения Даниила (8:26) свидетельствует о том, что Штифель рассматривал современные ему события в эсхатологическом ключе. В то же время Штифель не превозносил Лютера до небес. Вместо этого он истолковал Ангела как посланника, который принесет «вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле» (Откр. 14:6). По убеждению Штифеля, Бог всегда действует в контексте человеческой истории. И Он направил своего послан-

48 Scribner, *Simple Folk*, 20-21. См. также: Preuss, *Martin Luther*, 24-36; Peuckert, *Die Grosse Wende*, 606-13.

49 Körsgen-Wiedeburg, "Das Bild Martin Luthers," 160-62.

ца, чтобы провозгласить Евангелие и противостоять его врагам. Лютер совершил все это своим бесстрашным исповеданием в Вормсе.

Затем Штифель кратко изложил весть, провозглашенную посланцем Божиим. Его строгий глас прежде всего устрашает слушателя, честно говоря о сущности «Адамова греха». Он возвещает о Законе, дабы вызвать в человеке великий страх. Далее следуют десять строф о Десяти Заповедях. Затем двенадцать строф представляют Евангелие спасения по благодати через веру в Иисуса Христа. Заключительное обращение к читателю подчеркивает верность Лютера Писанию.⁵⁰ Образ, созданный Штифелем, включает в себя как апокалиптические мотивы пророчеств Откровения, так и конкретные деяния Лютера и его учение. Он противостоял папе, он смело исповедовал свою веру в Вормсе, он проповедовал о различии между Законом и Евангелием, а также о гневе Божиим и его милости в Иисусе Христе. Показанный Штифелем Лютер — больше чем герой. Он был пророком, и даже больше, чем пророком. Он исполнил Божие обетование об ангельской силе свидетельства божественного Слова.

В то самое время, когда этот августинский монах пел дифирамбы реформатору, гуманист и соборный проповедник из Аугсбурга Урбанус Региус (Urbanus Rhegius) принялся распространять лютеровские идеи. В 1521 году он провозгласил Лютера неустрашимым борцом за истину, Илией, пришедшим от Бога, в 1523 г. он окрестил его носителем света Христова.⁵¹ Такие впечатления о Лютере, сформированные силою печатного слова реформатора, Региус приобрел на расстоянии. Первая встреча с Лютером оказалась на него еще более сильное воздействие. В 1530 г. по дороге из Аугсбурга в Брауншвейг-Люнебург, где Региусу предстояло занять пост суперинтенданта местных церквей, он заехал к Лютеру в Кобург. «Он остается богословом для всего мира, я в этом убежден. Теперь, увидев и услышав его, я узнал его гораздо лучше», — писал Региус одному своему другу. В другом письме он просто признался: «Лютер всегда был великим в моих глазах. Однако теперь он стал ве-

50 Текст Штифеля находится здесь: Philipp Wackernagel, ed., *Das deutsche Kirchenlied von der ältesten Zeit bis zu Anfang des XVII. Jahrhunderts*, 5 vols. (Leipzig: Teubner, 1864-77), 3:74-75; О Штифеле: Barnes, *Prophecy and Gnosis*, 54, 128, 188-201.

51 Прочитано в: Hellmut Zschoch, *Reformatorsche Existenz und konfessionelle Identität: Urbanus Rhegius als evangelischer Theologe in den Jahren 1520 bis 1530* (Tübingen: Mohr, 1995), 32-33, 39, 58.

личайшим». ⁵² Лютер создал в своих современниках ощущение, что он больше, чем сама жизнь. Однако не все, конечно же, приняли его идеи. Поборники старой веры жестко критиковали его отход от средневековых норм, некоторые выражали убеждение, что он посланник сатаны, еретик и чудовище. ⁵³ Впрочем, их контратаки не имели особого успеха среди большинства читателей. Признание интеллектуалов и простого народа создало позитивное отношение, в котором растворялись все порочащие мифы его недругов.

Публичное утверждение Лютера как героя и пророка нашло отражение и в собственной оценке Лютером себя и своего призвания от Господа. ⁵⁴ Он не почитал себя героем геркулесовых масштабов. Однако еще в 1522 г. он воспринял эпистолярный жанр св. Павла и провел параллели между деятельностью Апостола и своей собственной: устремление от праведности добрых дел к провозглашению Евангелия Божией благодати. ⁵⁵ Кроме того, он мог назвать себя пророком Германии, апостолом и евангелистом Германских земель, Исаией или Иеремией. ⁵⁶ И все же Лютер не всегда обладал такой пророческой самоуверенностью. Он часто погружался в самоанализ и был терзаем постоянными сомнениями относительно своей личности. Но вместе с тем он мог бы сказать так: «Я не говорю, что я пророк... Но при том что я не пророк, я все же с уверенностью определил для себя, что Слово Божие со мною, а не с ними, ибо Писание действительно на моей стороне». ⁵⁷

⁵² Там же, 351.

⁵³ Иоганн Коклеус был одним из первых авторов подобных антилютеровских мифов; см. прим. 193 далее. См. также: Lienhard, «Held oder Ungeheuer?» Относительно ранней католической оппозиции Лютеру см.: Edwards, Printing, 28-37, 57-82, 149-62, и David Bagchi, *Luther's Earliest Opponents: Catholic Controversialists, 1518-1525* (Minneapolis: Fortress, 1991).

⁵⁴ Junghans, *Der junge Luther*, 304-13.

⁵⁵ Timothy J. Wengert, «Martin Luthers Movement toward an Apostolic Awareness as Reflected in His Early Letters», *Lutherjahrbuch* 61 (1994): 71-92. О более позднем восприятии Лютером себя как Павла см.: Mark U. Edwards Jr., *Luther and False Brethren* (Stanford: Stanford University Press, 1975), 112-26, and Preuss, *Martin Luther*, 37.

⁵⁶ Karl Holl, «Luthers Urteile über sich selbst», *Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte*, vol. 1, *Luther* (Tübingen: Mohr [Siebeck], 1921), 392. Это эссе по-английски можно найти: *Interpreters of Luther: Essays in Honor of Wilhelm Pauck*, ed. Jaroslav Pelikan. Philadelphia: Fortress, 1968), 9-34.

⁵⁷ Holl, «Luthers Urteile,» 382, цитируется [в английском издании] по *WA* 7:313.17-29.

Таким образом, представление Лютера о себе как о пророке отличалось от средневекового эсхатологического образа грядущего пророка. Его претензия на призвание апостола и пророка зиждилась исключительно на проповеди Евангелия. Для него имело значение только Слово Божие. Им был сотворен весь мир, и Оно возвестило прощение грехов в его жизни. Иметь Слово значило иметь жизнь с избытком, которую Христос воссоздал для Своего народа. Лютер не питал иллюзий в отношении того, что он — Енох или Илия, восставший из мертвых. В 1522 г. в своей «Церковной постилле» по Евр. (1:1-12) он утверждал, что Илия не восстанет из мертвых телесно. Нет, «это должен быть его дух, то есть Слово Божие, восставшее из мертвых, что и происходит в настоящее время».⁵⁸ Что для Лютера было важно — и что в его собственном понимании роднило его с Илией — это Слово Божие в устах обоих пророков. Он был глубоко убежден, что его язык и перо возвещают то же Слово Божие, которое было возвещено Илией. Только в силу этого факта он мог бы поместить себя среди пророков и апостолов. То есть средневековое представление о пророке по большей части не интересовало Лютера. Он не претендовал на какой-то особенный дар, кроме Слова Божия, звучавшего из уст библейских пророков. Его собственная оценка себя как созидающего глашатая Евангелия или как сокрушающего критика лжеучений всегда была основана только на Слове Божиим.

Предисловие Лютера к виттенбергскому изданию его работ по-латыни показывает, что он рассматривал себя как человека пророческого служения с созидательной миссией проповеди Божией истины, воплощенной во Христе, и с разрушительной миссией противостояния врагам веры, воплощением которых было папство. Его последователи подтвердили разрушительную миссию пророческой критики, направленной против существовавшего церковного порядка. Они приняли его имя как знамение веры, противостоящей папству, и распространяли учение реформатора, которое, согласно их вере, было принято им от пророков и Апостолов. Они так же признавали его позитивную пророческую силу, обращаясь к нему за точными и конкретными разъяснениями Евангелия, которое они хотели применять ко всем проблемам в своих собственных жизнях и в жизнях своих приходов и княжеств. В письмах и записках Лютер предлагал

⁵⁸ *WA* 10.1.1:248.24-28, рождественская проповедь на Евр. 1:1-12. См. также *WA* 10.1.2:191-97, проповедь в четвертое воскресенье Рождественского поста на Иоан. 1:19-28, и *WA* 21:38-39, зимняя проповедь на Иоан. 1:19-28.

авторитетные ответы на такие вопросы. Сам или же совместно со своими виттенбергскими коллегами он давал советы в вопросах брака, политических союзов и противостояний, ростовщичества и доктрины избрания, а также церковной политики (как в случае с планом Мартина Бучера относительно начала Реформации в Кёльне).⁵⁹

Для последователей Лютера верховная власть папы, соборов и епископов не определяла более толкование Писания. Старая традиция, служившая критерием в дискуссиях о значении и применении Библии, была отброшена в сторону. Среди последователей Лютера определяющим авторитетом стало мнение Лютера. Слова Лютера заменили авторитет папы и соборов при решении различных споров вокруг толкования Писания. Айк Вольгаст говорит о «квазипапизации»⁶⁰ Лютера, выразившейся в тенденции к собиранию авторитетных текстов реформатора даже до его смерти: «Авторитет живого учителя был трансформирован в авторитет собрания его трудов».⁶¹ Собрание его сочинений было необходимо в силу самой определяющей функции, которую выполняли труды Лютера среди некоторого числа его последователей. Мысль Лютера стала вторичным авторитетом⁶², определяющим толкование первичного авторитета в церковных

59 См., напр., советы Лютера (2 февр. 1539 г.) Иоганну Людике (Johann Lüdicke), пастору в Котбусе, о сопротивлении светским властям, *WA Br* 8:364-68; его совет относительно ростовщичества для Себастьяна Мюллера Мансфельдского (26 июля 1543 г.), *WA Br* 10:349-52, и его советы по вопросам брака, высказанные в городской ратуше Торгау (8 июня 1543), *WA Br* 10:325. Часто его коллеги присоединялись к нему в применении такой власти; см., напр., *WA Br* 10:103-10, 189-95, 336-42, 347-49, 11:16-19, 250-51.

60 В оригинале — «*quasipapalization*». — Прим. ред.

61 Eike Wolgast, «Biographie als Autoritätsstiftung: Die ersten evangelischen Lutherbiographien», in *Biographie zwischen Renaissance und Barock: Zwölf Studien*, ed. Walter Berschin (Heidelberg: Mattes, 1993), 43. См. также развитие этой мысли в: Robert Kolb, «Die Umgestaltung und theologische Bedeutung des Lutherbildes im späten 16. Jahrhundert», in *Die lutherische Konfessionalisierung in Deutschland: Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte 1988*, ed. Hans-Christoph Rublack (Gütersloh: Mohn, 1992), 202-31.

62 В данной книге термин «вторичный авторитет» относится к тому, что лютеранские ортодоксы с середины 17-го века (согласно Arthur Carl Piepkorn, “Suggested Principles for a Hermeneutics of the Lutheran Symbols,” *Concordia Theological Monthly* 29 [1958]: 7) называют *norma normata*; средство для разрешения спорных моментов в библейском тексте, который в церкви всегда носил функцию «первичного авторитета», — *norma normans*. Все христиане имеют и используют такой авторитетный источник, даже если формально

учениях, Библии.

Мысль Лютера стала вторичным авторитетом, потому что его последователи с восторгом разделяли гуманистическое восприятие устного и печатного слова, как его представляли современники реформатора, в то же самое время соглашаясь с Лютером относительно природы Слова Божия. Лютер верил, что слова Писания нельзя понимать в платоновском смысле, как некоторую тень небесной реальности или как дорожные указатели, которые только указывают на деятельность отдаленного, чуждого Бога. Он верил, что сила Божия действительно пребывает в Евангелии (Рим. 1:16), в тех самых словах современников этих событий, которыми они изложили Благоую Весть. Эта вера и позволяет признать авторитетность безупречных лютеровских повторений и приложений библейского Слова. Кроме того, героическое противостояние Лютера Римской церкви только подтвердило для его современников тот факт, что реформатор играл ключевую роль в Божием руководстве жизнью Церкви Христовой. Они без колебаний признавали авторитет Лютера и его сочинений. Пророческое служение Лютера, его живой голос принесли его последователям Евангелие.

Погребение и прославление Лютера

И вот Лютер умер. Однако со смертью реформатора признание его пророческих деяний и авторитета не умерло. Оплакивая его уход, последователи Лютера выразили убеждение, что он был и остался сосудом Божиим, избранным для провозглашения Евангелия в последние дни существования мира. В центре мифа по-прежнему находилась личность Лютера и его пророческий статус, даже если его авторитет перешел к публикациям, которые он завещал своим последователям.

Трое друзей были с Лютером в его последние часы, когда он умирал в Эйслебене. Один из них, Иоганн Аурифабер, отозвался о смерти Лютера как об отбытии пророка Илии (4 Цар. 2:11). Он оповестил церковного суперинтенданта в Лейпциге Иоганна Пфеффингера, что «этот человек — всадник и колесница Израиля» приехал в Эйслебен, дабы помочь урегулировать отношения между мансфельдскими князьями, враждовавшими друг с другом.⁶³ Другие два друга, присутствовавшие при кончине Лютера, Юстус Йонас, бывший коллега по Виттенбергу и

его не признают. Термин «пророческий авторитет» или «авторитетный пророк» относится к функции Лютера как *norma normata* для некоторых его последователей.

63 Письмо датировано днем смерти Лютера, 18 февраля 1546. Текст взят

в то время пастор в Галле, и Михаэль Коэлиус, бывший студент и затем придворный проповедник в Мансфельде, совершили заупокойные служения, когда тело реформатора еще находилось в Эйслебене. Ионас проповедовал на следующий день после смерти Лютера, а Коэлиус — через день. Затем тело Лютера было перевезено в Виттенберг, где его коллеги Филипп Меланхтон и Иоганн Бугенгаген говорили о своем товарище и наставнике перед большим собранием студентов. В этих проповедях и речах звучали схожие мотивы.

Ионас, прежде всего, в хорошей гуманистической манере обратил внимание на гениальность реформатора, которую коллеги признали еще с первых дней его жизни в Виттенберге. Ионас указал на его перевод Библии и то, что перевод этот стал образцом хорошего немецкого языка. Далее он напомнил своим слушателям, что на протяжении всей истории за смертью «величайших из пророков и людей Божиих» следовали злые времена и суровые суды. «Посему великий суд неотвратимо придет на Германию со смертью этого человека, доктора Мартина, если она не обратится, и суд сей падет на безбожных, упрямых и жалких папистов». Ионас также повторил давнее утверждение, что «наш дорогой доктор Мартин Лютер» исполнил пророчество чешского реформатора Яна Гуса, произнесенное на Соборе в Константинополе, когда тот ожидал своей казни на костре в 1415 г.: «Через сто лет прилетит лебедь, которого они не смогут поджарить» так же, как они поджарили гуся (по-чешски Гус — «гусь»). Лютер воплотил в себе апокалиптические ожидания, заложенные в предсказании Гуса, и он занял место в ряду пророков Ноя, Илии и Елисея.⁶⁴

Коэлиус согласился с Ионасом. Он прославил Лютера как человека, совершавшего то же служение, какое имели ветхозаветные пророки, Иоанн Креститель и новозаветные Апостолы. «И действительно, как его предшественникам были даны Богом особые дарования, необходимые для пророческого служения, так и он в наши дни стал истинным Илией, Иеремией, Иоанном Предтечей дня Господня и Апостолом». Он противостоял антихристу папства, всякой лжи, ереси, сектантству и идолопоклонству. Подобно Илии во времена Ветхого Завета, Лютер низверг идола папских индульгенций. Как Илия поразили жрецов Ваала,

из: Christof Schubart, *Die Berichte über Luthers Tod und Begräbnis* (Weimar: Böhlau, 1917), 12.

64 *Zwo Tröstliche Predigt vber der Leich D. Doct. Martini Luther zu Eissieben den XIX. vnd XX. Februarigethan durch D. Doct: JustumJonam, M. Michaellem Celium, Anno. 1546* (Wittenberg: Georg Rhau, 1546), Aijj^v-C^r, Diiij^v-[Eijj]^r.

так и «этот человек Божий» мечом Слова Божия одолел служителей папской мессы. Подобно Иоанну Крестителю, он провозгласил истинное христианское покаяние. Коэлиус благодарил Бога за то, что Он просветил и воздвиг этого верного слугу Божия». ⁶⁵

Похожие чувства излились с виттенбергской кафедры несколькими днями позже. Над его гробом произнесли свои речи Бугенгаген, пастор Лютера и его коллега по университету, а также Меланхтон, присоединившийся к Лютеру в Виттенберге в 1518 г. Бугенгаген повторил все темы, которые обычно упоминались в связи с заслугами Лютера: о его борьбе с идолопоклонством и человеческими притязаниями папства, о его проповеди Евангелия Иисуса Христа, ставшей благословением для Германии и многих других народов. Бугенгаген назвал Лютера «великим учителем и пророком, реформатором Церкви и посланником Божиим», «этим святым апостолом и пророком Христовым, нашим проповедником и евангелистом германских земель». Он, не колеблясь, ассоциировал Лютера с Ангелом из Откровения (14:16-17), чье слово: «Убейтесь Бога и воздайте Ему славу» ⁶⁶ было лютеровской проповедью Закона и Евангелия, «через которые нам открывается Писание, а Христос познается как наша праведность и вечная жизнь». В качестве эпитафии Бугенгаген произнес слова «нашего дорогого отца доктора Мартина»: «*Pestis eram vivus, meriens tua mors ero, Papa!*» («Папа, живя, я был твоей чумой, а когда я умру, стану твоею смертью!»). ⁶⁷

В речи Филиппа Меланхтона было много созвучных тем. Однако она была несколько иною. Меланхтон без смущения добавил нотку критицизма, сказав, что и Лютер имел свои «темные пятна», негативные качества, которые, впрочем, были неизбежны в те времена, в которые Бог его призвал ко служению. Прежде всего Меланхтон обратил внимание на место Лютера в ряду свидетелей истины Божией. Он отследил череду Божиих посланников от Адама до Иосифа через патриархов, которые принесли чистое учение в Египет. Цепь пророков продолжалась от Моисея до Илии, от Иеремии до Ионы, затем следовали Маккавеи и Иоанн Креститель. После Христа и Апостолов свидетельство продолжило свое движение через Отцов Церкви и средневековых святых до Бернарда Клервоского и Иоганна

⁶⁵ Там же, [Eiij]–[Iiiij]r.

⁶⁶ Откр. 14:7. — Прим. ред.

⁶⁷ *Eine Christliche Predigt Vber der Leich vnd Begrabnus/Weiland des Ehrwürdigen/Achtbarn vnd Hochgelarten Herrn D. Martini Lutheri Seeliger Gedechnis...* (Wittenberg: Paul Helwig, 1546).

Таулера.

Затем Меланхтон обратился к «великим истинам», с которыми выступил Лютер. Прежде всего он вынес на свет Божий истинное, чистое библейское учение, противоречащее невежественной монашеской доктрине покаяния. Он возгласил Павлово учение, показывающее, что человек становится праведным по вере. Он провел истинное различие между Законом и Евангелием, а также между праведностью в Духе и внешним временным наказанием. Он снова научил Церковь вызывать ко Господу и изгонять языческие сомнения из сердца. Он показал истинную сущность добрых дел и то, как жить христианской жизнью вне обрядовости, навязанной папством под видом единственного пути спасения. Он перевел Писание на немецкий язык «так хорошо, что оно дает читателю больше ясности, чем многие комментарии». Меланхтон также напомнил о похвале Эразма в адрес лютеровского толкования Библии. Кроме того, он процитировал предположение Эразма, что суровый характер Лютера был необходимым лекарством в те времена, когда он жил.⁶⁸

Не прошло и четырех месяцев после речи Меланхтона, как вышло в свет его предисловие к виттенбергскому изданию трудов Лютера по-латыни. Здесь он в общих чертах обрисовал жизнь реформатора и очень старательно выписал Лютера в образе библейского гуманиста. Там, где не получалось, Меланхтон предполагал, что отсутствие гуманистического воспитания и является причиной «шероховатостей» в характере Лютера. Как и в своей похоронной речи, Меланхтон, казалось, более всех остальных хотел коснуться недостатков Лютера.⁶⁹ Вместе с тем для Меланхтона Лютер был «нашим почтенным отцом и возлюбленным наставником», «всадником и колесницею Израиля», как выразился Филипп, оповещая студентов Виттенберга о кончине Лютера.⁷⁰

Немощи и недостатки, как правило, опускались в поэтических пеанах, написанных по случаю смерти Лютера. Слагая новые строки о Виттенбергском Соловье, Ганс Сакс выразил скорбь по поводу кончины «великого героя», победителя и «истинного апостольского бойца», противопоставшего папам, епи-

68 “Oratio in funere D. Martini Lutheri,” CR 11:726-34. См. также: James Michael Weiss, «Erasmus at Luthers Funeral: Melanchthon’s Commemorations of Luther in 1546», *Sixteenth Century Journal* 16.1 (1985): 91-114.

69 CR 6: 155-70.

70 CR 6:58-59 (19 фев. 1546).

скопам, королям и князьям.⁷¹ Эразм Альбер, бывший студент Лютера, в то время пастор в Бранденбурге, сочинил «Новую песнь о святом Божиим человеке, нашем дорогом отце, докторе Мартине Лютере, отошедшем к Богу», в которой он воспел деяния и проповедь «нашего дорогого, благочестивого, заботливого Лютера, истинного германского пророка, который верно учил нас Слову Божию».⁷²

Другие поэты выражали в своих виршах похожие чувства.⁷³ Они оплакивали утрату учителя, боровшегося с врагами Христа и провозглашавшего Его проповедь.

Народ жаждал апокалиптических перемен, которые вмешались бы в их жизнь, полную трудностей. Интеллектуальная элита жаждала знамений Божиих о возвращении золотого века. Печатный станок позволил словам незаметного монаха, призвавшего народ к реформам, возбудить одновременно и дискуссию среди его коллег, хотя они были в географическом смысле весьма далеки друг от друга. Едва ли удивительно то, что печатный голос Мартина Лютера растревожил осиное гнездо его противников. Также мало удивляет то, что его голос мог вызывать такой резонанс в сердцах простого народа и в гуманистических кругах. И те и другие ждали пророка, искали учителя и жаждали героя.

71 Текст находится в: Ernst Walter Zeeden, *Martin Luther und die Reformation im Urteil des deutschen Luthertums* (Freiburg/B: Herder, 1952), 2:16-19.

72 In Wackemagel, ed. *Das deutsche Kirchenlied*, 3:896-98 (опубликовано в 1546).

73 Напр., Иоганнес Фридрих Петч (Johann Friderich Petsch), чья «Христианская песнь о достойном докторе Лютере и его учении» (*A Fine Christian Song, on the Worthy Doctor Martin Luther and His Teaching*), воспевавшая деятельность Лютера в борьбе с папством и в провозглашении Христовой благодати, была издана Георгом Рай (Georg Rhau) в Виттенберге в 1546 г. (Wackemagel, ed., *Das deutsche Kirchenlied*, 3:975-76). Также следует отметить гимны Мартина Шрота и Леонхарта Кеттнера (Martin Schrot, там же, 3:974-75, Leonhart Kettner, там же, 3:980).

2. Пророк Божий: Лютер как авторитетный толкователь Слова Божия

«Посему со смертью этого человека, доктора Мартина, великий суд неотвратимо придет на Германию, если она не обратится.»

(*Юстус Йонас*, из проповеди на похоронах Лютера)

В глазах современников Юстус Йонас оказался прав. Его пророчество действительно исполнилось. По смерти Лютера жестокие времена постигли Германию, по крайней мере ее евангелическую часть. Противники лютеровской проповеди стянули свои силы и вывели армии на поля сражений, стремясь покончить раз и навсегда с делом Мартина Лютера. В 1521 г. император Карл V издал Вормский эдикт. В нем он осудил Лютера и его последователей. Император поклялся силой собственного государства, что положит конец лютеранской заразе.⁷⁴ Однако в силу разных обстоятельств обнародование Эдикта было отложено. Карлу пришлось вступить в борьбу с турками и папой, с Францией и со знатью его собственного Иберийского королевства. Только к 1546 г. он смог собрать войска из своих испанских и германских владений и направить их против князей и городов, принявших и защищавших лютеровскую реформу. Менее чем за год Шмалькальденская война закончилась, поскольку ведущие лютеранские князья были пленены императором.

Смерть Лютера привела к глубокому кризису руководства, главным образом потому, что он был не только лидером, но и выступал в совершенно особенной роли авторитета для своих последователей. Ни при каких обстоятельствах никто другой не смог бы его заменить, поскольку никто другой не продемонстрировал его героических пророческих качеств и способности доносить Слово Божие столь богодухновенно. А ведь именно эти два фактора составляли основание его пророческого авторитета. Шмалькальденская война (июнь 1546 — апрель 1547 гг.) и события, последовавшие за ней, окончательно лишили Филиппа Меланхтона шансов достичь хотя бы отчасти того авторитета, какой имел Лютер среди своих последователей.⁷⁵ И уж,

⁷⁴ *Luther in Worms, 1521-1971: Ein Quellenhuch*, ed. Joachim Rogge (Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1971), 138-51.

⁷⁵ См.: Irene Dingel, «Melanchthon und die Normierung des Bekenntnisses», in *Der Theologe Melanchthon*, ed. Heinz Scheible (Sigmaringen: Thorbecke,

конечно, никто из лютеран не смог бы выступить в этой роли среди беспорядков и острых дискуссий, вспыхнувших в результате войны.

Не прошло и года, как войска императора в сражении под Мюльбергом (24 апреля 1543 г.) одержали победу над курфюрстом Фридрихом Саксонским и ландграфом Филиппом Гессенским, лидерами евангелической Шмалькальденской лиги. Карл заточил их в тюрьму, отдав большую часть владений курфюрста евангелическому герцогу Морицу Саксонскому, который был одновременно кузеном Иоанна Фридриха и зятем Филиппа. За то, что он предал своих единоверцев и поддержал Карла, Мориц получил в награду Виттенбергский университет, а также императорским эдиктом ему был дарован титул курфюрста. Затем Карл со своим братом герцогом Фердинандом занялись организацией религиозной жизни Германии. На Аугсбургском сейме 1548 г. Карл поручил группе богословов составить некую умеренную программу реформ, которая по сути оставалась бы римско-католической. Он хотел ввести эту программу во всех евангелических землях своих владений. В силу того что он рассматривал эту программу как временное решение, пока Тридентский собор не примет новые положения, обязательные для всего западного христианства, документ вошел в историю как Аугсбургский интерим. Новая имперская религиозная политика породила теологическую и церковную систему, в которой был положен конец многим средневековым злоупотреблениям, однако сохранялась сущность средневековой римской доктрины.⁷⁶

Утверждение авторитета Лютера

Аугсбургский интерим вызвал немедленное и ожесточенное сопротивление среди лютеран. Его целью было уничтожение их веры, если не их самих, что неизбежно породило апокалиптическую реакцию. Угрозы интерима подлили масла в огонь общих эсхатологических ожиданий, сосредоточенных вокруг лютеровского наследия. Меланхтон и его виттенбергские коллеги попали в крайне сложное положение. Они хотели критиковать интерим и критиковали его! Вместе с тем им приходилось поддерживать своего нового господина, Морица.⁷⁷ Он, в свою очередь, был обязан императору, который даровал ему земли

1999), 195-211.

⁷⁶ *Das Augsburger Interim von 1548*, ed. Joachim Mehlhausen (Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 1970).

⁷⁷ Günther Wartenberg, «Philipp Melanchthon und die sächsisch-albertinische Interimspolitik», *Lutherjahrbuch* 55 (1988): 60-80.

и титул курфюрста. Церковные и светские советники Морица выработали особую политику, направленную на защиту от имперских вмешательств под предлогом внешнего согласия с Аугсбургским интеримом. В то же время они стремились сохранить лютеранскую проповедь Евангелия. Новая политика была представлена, но не принята официально на Лейпцигском сейме земель Морица в декабре 1548 г.

Эта политика осуществлялась лишь частично и выборочно в курфюршеской Саксонии. Полный текст проекта, представленного на сейме, попал в руки оппонентов и немедленно получил название Лейпцигского интерима. Оппозиция, с центром в Магдебурге, но разбросанная по всей лютеранской Германии, выступила с жесткой критикой пути компромисса, избранного Меланхтоном и его коллегами.⁷⁸ Разногласия между лютеранскими церквями по поводу двух интеримов, последовавших за Габсбургской религиозной войной, привели к образованию двух партий, позднее названных в богословской среде гнесиолютеранами⁷⁹ и филиппистами⁸⁰. Борьба велась за надлежащее толкование лютеровской проповеди, и в течение четверти века после смерти Лютера эта борьба создала те условия, в которых последователи реформатора определили значение его идей.

Еще до смерти Лютера последователи начали собирать выдержки из его работ, публикуя целые трактаты для самых различных целей (см. гл. 6-7). Дискутируя относительно истолкования лютеровского наследия, филипписты и гнесиолютеране часто обращались к Библии для подтверждения своих заключений, однако затем обе партии быстро перешли к цитированию Лютера для подтверждения своего толкования Писания. Ведь именно его взгляды они стремились провозглашать.

Изначально борьба, приведшая к образованию двух партий, фокусировалась на Лейпцигском интериме. Меланхтон и его соратники пошли на уступку относительно возрождения не-

78 Относительно этой оппозиции, возглавленной Маттиасом Флацием, см.: Wilhelm Preger, *Matthias Flacius Illyricus und seine Zeit*, 2 vols. (Erlangen: Bising, 1859, 1861), 1:38-204; Hans Christoph von Hase, *Die Gestalt der Kirche Luthers: Der Casus Confessionis im Kampf des Matthias Flacius gegen das Interim von 1548* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1940); and Robert Kolb, *Nikolaus von Amsdorf (1483-1565): Popular Polemics in the Preservation of Luther's Legacy* (Nieuwkoop: B. De Graaf, 1978), 69-122.

79 Англ.: *Gnesio-Lutherans*. Имеются в виду собственно лютеране (ортодоксальные, истинные лютеране). — Прим. ред.

80 Англ.: *Philippists*. Имеются в виду приверженцы и последователи Филиппа Меланхтона. — Прим. ред.

которых обрядов и ритуалов, которые они считали адиафорой, то есть не заповеданными и не запрещенными в Писании. Они утверждали, что лучше пойти на подобный компромисс, чем допустить оккупацию Саксонии войсками императора. Если это произойдет, то приверженцы Карла поставят вместо лютеранских пасторов римских священников, как это случилось на юге Германии, где оккупанты вынудили местные власти принять Аугсбургский интерим.⁸¹ Гнесиолутеране были против. Они утверждали, что «во времена», когда крайне необходимо иметь четкое вероисповедание, не существует такой вещи, как *adiaфора*».⁸² По их мнению, любой компромисс с папской партией означал бы как для католиков, так и для их собственных прихожан, что наследие Лютера можно кроить как угодно.

Филипписты верили, что их уступка подобна тому, что сделал сам Лютер, вернувшись в Виттенберг из Вартбурга в 1522 г. Тогда своим «*Invocavit*» и последующими действиями он призвал к осторожности и компромиссам в отношениях с немощными в вере. Этой модели виттенбержцы под руководством Меланхтона и стремились следовать.⁸³ Гнесиолутеране оспорили такую параллель. Они нашли массу цитат из Лютера, где он твердо и однозначно отстаивал решительное и бескомпромиссное исповедание веры перед лицом врагов Евангелия. В 1549 г. началась их контратака. Маттиас Флаций (*Illyricus*) оставил должность наставника в Виттенберге на Пасху 1549 г., поскольку не мог мириться с тем, что он рассматривал как проявление

81 Luther D. Peterson, «The Philippist Theologians and the Interims of 1548: Soteriological, Ecclesiastical, and Liturgical Compromises and Controversies within German Lutheranism» (Ph.D. diss., University of Wisconsin, 1974), 113-24; см. также: Johannes Herrmann, «Augsburg-Leipzig-Passau (Das Leipziger Interim nach Akten des Landeshauptarchivs Dresden, 1547-1552)» (Th.D. diss., University of Leipzig, 1962).

82 Robert Kolb, *Confessing the Faith: Reformers Define the Church, 1530-1580* (St. Louis: Concordia, 1991), 71-82; см. также: Hase, *Gestalt der Kirche*, 47-71.

83 Напр., в трактате *Gruntlicher vnd Warhafftiger Bericht der vorigen vnd jetzigen/für und nach dem Kriege ergangen Handlungen/von den Adiaphoris oder Mitteldingen. Sampt eine Christlichen Kurtzen Verantwortung* (Leipzig: Bapst, 1550). Настоящий анализ был впервые изложен Робертом Колбом в: “‘Perilous Events and Troublesome Disturbances’: The Role of Controversy in the Tradition of Luther to Lutheran Orthodoxy,” in *Pietas et Societas: New Trends in Reformation Social History: Essays in Memory of Harold J. Grimm*, ed. Kyle C. Sessions and Phillip N. Bebb (Kirksville, Mo.: Sixteenth Century Journal, 1985), 185-91; см. также: Kolb, *Confessing the Faith*, 63-98.

компромисса со стороны его начальника Меланхтона. В 1539 г. Флаций бежал в родную Хорватию, оставив в Германии человека из своего семейного круга, францисканца Бальдо Лупетино, который позже был приговорен венецианской инквизицией к смерти за приверженность лютеровским идеям. Евангелие Лютера привело Флация и к собственному духовному перелому. Потому он был сильно потрясен тем, что понимал как отступничество Меланхтона от этого Евангелия перед Лейпцигским интеримом. Вдобавок к прочим атакам на оба интерима Флаций вновь опубликовал письма, которые Лютер писал по поводу Аугсбургского сейма 1530 г. В этих письмах он предостерегал от компромиссов с римско-католическим Велиаром.⁸⁴

Кроме того, в 1549 г. Иоаким Вестфаль, бывший виттенбергский студент и в то время пастор в Гамбурге, ответил на претензии адиафористов собранием лютеровских цитат, где тот открыто и ясно сказал, что никакого компромисса с Римом не может быть для тех, кто хочет сохранить верность Евангелию. В 1551 г. Вестфаль повторил свои возражения в анализе применения адиафорического аргумента Меланхтоном и его сторонниками. Вестфаль провел четкую грань между лютеровским оправданием немощной совести в 1522 г. и новым прегрешением, которое при компромиссе с папством обрушивается на эту совесть четверть века спустя. Обстоятельства изменились, и Вестфаль обвинил Лейпцигский интерим в отступлении от главных учений веры. Он отождествил себя с Лютером, заявившим в комментариях на Послание к Галатам, что, несмотря на все атаки мира, он не отступит ни на йоту. Он указывал на противостояние Лютера имперским эдиктам (напр., Вормскому эдикту, поставившему учение Лютера вне закона, и последующим эдиктам подобного рода). Все эти документы противоречили Слову Божию. Лютер непременно бросил бы вызов новым интеримам, если бы жил в ту пору. Эта непримиримость Лютера, утверждал Вестфаль,

84 *Etliche Brieffe/des Ehrwürdigen Herrn D. Martini Luthers seliger gedechtnis, an die Theologos auff den Reichstag zu Augsburg geschrieben/ Anno M.D.XXX. Von der Vereinigung Christi vnd Belials/Auss welchen man viel nu[e]tzlicher lehr in gegenwertiger gefahr der Kirchen nemen kan...* (Magdeburg: Christian Rödinger, 1549), опубликовано еще и как: *Aliquot epistolae reuerendi patris piae memoriae D. Martini Lutheri quibusdam Theologis ad Augustana comitia. Anno 1530. scriptae, de conciliationibus Christi & Belial disserentes* (Magdeburg: Michael Lotther, 1549). Сторонники Флация продолжали отстаивать свое понимание позиции Лютера и по мере того, как дискуссии между двумя партиями расширялись в 1550-х гг.. См., напр.: Johann Stolz, *Brevis defensio viri Dei Martini Lutheri, in modum somnij oppositae somniatori Adiaphoristico* (Regensburg: Johann Kohl, 1555).

должна служить примером в нынешней ситуации. Более того, Вестфаль поставил под сомнение подлинность веры приверженцев Лейпцигского интерима — отчасти из-за того, что они, прикрываясь именем Лютера, возродили литургическую практику, которую Лютер отвергал.

Оппоненты обвинили Вестфалья и его сторонников в том, что они превратили Лютера в идола и не допускали никаких отклонений от его слов и поступков. Такой дух был чужд Вестфалю. Обратившись к апокалиптической терминологии, он описал ситуацию, в которой очутился. Он заявил, что предпочел бы стоять вместе с Лютером против «зверя вавилонской блудницы». Он знал позицию богословов Морица — они были далеко не на стороне Лютера.⁸⁵ Николаус фон Амсдорф, который в буквальном смысле работал бок о бок с Лютером с самых первых дней Реформации, высказал аналогичный аргумент в двух брошюрах, выпущенных в то время.⁸⁶

Что касается Флация, Вестфалья и Амсдорфа, то они вполне уместно цитировали Лютера. Они твердо верили — Лютер всячески подчеркивал, что он против компромиссов с папским антихристом. Их обращение к авторитету Лютера было прежде всего историческим приемом, рядом с ним Флаций мог поместить авторитет самого Меланхтона. Чтобы придать вес своим аргументам против отношения Меланхтона к Лейпцигскому интериму, Флаций цитировал *Loci communes* Меланхтона, «Аугсбургское вероисповедание» и его «Апологию», а также предисловие к отчету Филиппа по переговорам с римско-католическими богословами в Регенсбурге (1541 г.).⁸⁷ На этот раз

85 *Sententia reverendi viri D. M. Luth. Sanctae memoriae de Adiaphoris ex scriptis illius collecta* (Magdeburg: Michael Lotther, 1549); по-немецки: *Des Ehrwürdigen vnd thewren Mans Doct. Marti. Luthers seliger gedechtnis meinung von den Mitteldingen* (Magdeburg: Michael Lotther, 1550), и: *Verlegung des Gru[en]dlichen Berichts der Adiaphoristen zu diesen bo[en]sen zeiten* (n.p., 1551), Biiij^r-C^r, Ciiij^v-[Ciiij]^v, Dij^r, Miiij^v.

86 *Das Doctor Martinus kein Adiaphorist gewesen ist/vnd Das D. Pfeffmger vnd das buch on namen ihm gewalt vnd vnrecht thut* (Magdeburg: Christian Rodinger, 1550), и: *Etliche spruche aus Doctoris Martini Luther Schriften/ Darinne er/als ein Adiaphorist sich mit dem Bapst hat vergleichen wollen* (n.p., 1551).

87 *Eine schrifft widderein recht epicurisch buch/darin das Leipzische Interim verteidiget wird sich zu hu[en]ten fu[en]r der verfelschem der waren Religion...* (n.p., 1549), B^v-Bij^r, [Biiij]^v, D; *Widder den ausszug des Leiptzischen Interims/ oder das Kleine Interim* (Magdeburg: Christian Rödinger, 1549), Aij^r, B, Biiij^v—[Biiij]^r; *Gru[en]dliche Verlegung aller Sophisterey/so Juncker Isleb/D. Interim/ Morus/Pfeffinger/D. Geitz in seinem gründlichem bericht vnd jhre gesellen/die*

Флаций не стал наделять Лютера особым пророческим авторитетом, особой ролью комментатора Слова Божия в Писании. Вместо этого он процитировал Лютера, чтобы показать, как филипписты отступили от традиции лютеровской проповеди Евангелия.

Продолжали кипеть страсти вокруг Лейпцигского интерима и адиафоры, но тогда же вспыхнула еще одна дискуссия. Коллега Меланхтона по Виттенбергскому университету Георг Майор, принимавший участие в составлении Интерима, весьма неблагоразумно выступил в защиту положения о необходимости добрых дел для спасения. О отрицание этого положения в свое время (в 1520-х гг.) вызвало яростные нападки на лютеранских реформаторов в Магдебурге, когда Майор и Амсдорф служили там вместе. В свете таких воспоминаний Амсдорф заключил, что Майор впал в полное вероотступничество, поскольку защищал утверждение, будто «добрые дела необходимы для спасения».⁸⁸ В пылу последовавшей полемики Флаций и его коллега по Магдебургу Никола Галл обнародовали меморандумы четырех лютеранских церквей северной Германии по этому вопросу. В предисловии Флаций и Галл вспоминали, как в 1530-х гг. Лютер восстал против учения о необходимости добрых дел для спасения, когда Каспар Круцигер, по всей видимости, употреблял аналогичный язык.⁸⁹ Однако на ранней стадии

andere Adiaphoristen/das Leipsische Interim zu beschof[e]nen gebrauchen (n.p., n.d.), passim.

88 Относительно майористской дискуссии см.: Peterson, "Philippist Theologians," 215-311; Robert Kolb, "Georg Major as Controversialist: Polemics in the Late Reformation," *Church History* 45 (1976): 455-68 (= *Luther's Heirs Define His Legacy: Studies on Lutheran Confessionalization* [Aldershot, Eng.: Variorum, 1996], 4); idem, *Amsdorf*, 123-80, и Timothy J. Wengert, "Georg Major (1502-1574): Defender of Wittenberg's Faith and Melanchthonian Exegete," in Heinz Scheible, ed., *Melanchthon in seinen Schülern* (Wiesbaden: Harrassowitz, 1997), 129-56. То, что печально известный отступник, виттенбергский студент и ведущий римско-католический реформатор Георг Витцель, придерживался взглядов, аналогичных взглядам Майора, только подтверждало подозрения Амсдорфа. См.: Barbara Henze, *Aus Liebe zur Kirche Reform: Die Bemühungen Georg Witzels (1501-1573) um die Kircheneinheit* (Münster: Aschendorff, 1995), 116-17, тщательно сравнивая с Майором.

89 *Sententia ministrorum in Ecclesia Lubecensi, Hamburgensi, Liineburgensi & Magdeburgensi, de corruptelis doctrinae iustificationis, quibus D. Georg. Maior adserit...* (Magdeburg: Lotther, 1553), A3^v. Относительно дискуссии об учении Круцигера, что сокрушение есть *sine qua non* (необходимое условие) оправдания, см.: Martin Greschat, *Melanchthon neben Luther: Studien zur Gestalt der Rechtfertigungslehre zwischen 1528 und 1537* (Witten: Luther, 1965),